Бело. Я смотрю вверх на ослепительно белый мир. Тихо и непрерывно пищал медицинский монитор, но я не могла определить источник звука. На мгновение мне показалось, что я оказалась одна в совершенно бесформенном месте, но я не плыву и не падаю - подо мной есть поверхность, гладкая и холодная на ощупь. Осмотревшись, я обнаружила, что нахожусь в небольшом помещении. В углах видны тени, хотя я не вижу источников света, которые бы их создавали. Застеленная рваными простынями кровать, рядом высокий шест с капельницей, круглый белый стол с простыми стульями по разные стороны.

Кто-то уже сидел у дальнего края стола. Она склонилась над ним, опираясь подбородком на сложенные руки, и...

И это была я.

Бледная, болезненная кожа. Худощавое лицо под копной черных волос, спадающих до плеч. Такая же белая лента, как у меня, в качестве ободка для волос, завязанная тем же способом. За исключением глаз, которые из тускло-серых превратились в ядовито-зеленые, настолько яркие, что почти светятся, она - мой точный двойник. Ее платье - более старинное, чем то, которое я могла бы надеть, - церемониальное траурное платье, такое черное и без блеска, что кажется поглощает свет.

Доппельгангер злобно смотрит на меня - так, во всяком случае, мне показалось, ну все же даже самое мягкое выражение моего лица может восприниматься как нечто кислое. Она переводит взгляд на кресло напротив себя.

Когда Вьюджи предупредила меня о том, что будет после Обещания, я, пожалуй, представляла себе эти "первые шаги" как душераздирающую агонию, возможно, даже надеялась, что все окажется так просто. Ненормально надеяться на подобное, но даже если бы она объяснила, что "это будет больно", я знаю, что такое боль. Я научилась жить с болью, и я могла бы выдержать еще немного.

С другой стороны, я понятия не имею, что с этим делать. Предполагаю, это пока что не предсмертный сон, тем не менее, это мне никак не говорит о том, что происходит. Так ли работает магия, или это толчок к тому, чтобы понять, как она работает? Я не ощущаю никаких новых чувств, никакой силы на кончиках пальцев.

Остается только подыграть и посмотреть, что из этого выйдет. Я сажусь на свободное место и возвращаю взгляд своему двойнику.

— Ладно. Ты знаешь, кто я такая, ты украсила все с учетом моих воспоминаний, так что... кто ты? И что именно мы здесь делаем?

Она молчит. Ее выражение лица не меняется. Она просто сидит в кресле, поднимает руку, и вдруг в ее руках оказывается моя колода Таро. Она не взяла ее в руки и не вытащила из рукава. Ее не было, а затем она вдруг появилась. Впрочем, после вчерашнего такой трюк вряд ли стоит упоминания. Верхняя карта колоды обращена ко мне, на ней изображен Шут[1].

Я могла бы воспринять это как оскорбление, но метафоры - первый урок Таро. Шут - это не дурачество, Смерть - не физический конец жизни, Немечтающий не предсказывает буквально нападения Предвестников. Неважно, разговариваю ли я с каким-то своим отражением или с чем-то другим, что знает меня достаточно хорошо, чтобы разыграть эту сцену, но и она должна это знать. Смысл достаточно ясен.

— Начало чего? — резко спрашиваю я.

В ответ она рассыпает колоду по столу, превращая ее в огромную беспорядочную кучу. В ожидании она пододвигает эту кучу ко мне.

— Ясно. Теперь я все поняла. Раз мы не можем просто поговорить друг с другом, то, пожалуй, этот способ неплохой выбор, — вздыхаю я, собираю колоду и кладу ее слева от себя. — Обычный расклад?

Она делает приглашающий жест.

Я с готовностью вытягиваю и переворачиваю первую карту. Неровная круговая паутина из разноцветных лент, цвета переходят в более темные оттенки и становятся чисто черными с одной стороны. Сейчас темная половина направлена вверх. Перевернутое Колесо Фортуны[2]. Внезапный поворот к худшему. Все рушится так, как вы не ожидаете и, конечно, не можете контролировать.

— Что ж, я могла бы и сама это предвидеть, — пробормотала я. — Это должно быть...

Без всякого предупреждения мир преобразился.

~~~

Пахнет почти как сад, но не так, как после дождя и вспаханной земли. Мертвой землей, запекающейся под летним солнцем. Голова пульсирует тупой болью, а уши словно заложены или заполнены водой.

Я не могу пошевелиться. Что-то теплое и тяжелое давит на меня, давит, как тяжесть моря, но твердое и зернистое.

Я не могу видеть. Все вокруг темное - нет, это не так, просто глаза закрыты. Я пытаюсь их открыть. И тут же их жжет: что-то черное и пыльное заполняет мое зрение. Я захлопываю их, но оно так и остается, застряв под веками.

Я похоронена. Погребена заживо, или я действительно мертва? Я начинаю кричать, но грязь забивает мне рот и заглушает голос. Не думая, я бьюсь, цепляюсь и толкаюсь под тяжестью земли, слабо пытаясь освободить место для дыхания. Я пытаюсь двигаться, как при плавании,
~~~

но это совершенно не получается. Я пытаюсь оттолкнуться ногами, не зная, в какую сторону подниматься и есть ли здесь вообще верх. Только успеваю оттолкнуться от грязи, как на ее место падает еще больше. Я действительно мертва. Я тону здесь, я...

Свет просачивается сквозь трещины в земле. То в одном месте, то в другом грязь проступает, и я поднимаю руки в воздух. Через мгновение на поверхности появляется моя голова, я задыхаюсь, плачу и кашляю землей, которую отчаянно пыталась не проглотить. Я освобождаюсь и падаю на землю. Ужас постепенно сменяется усталостью. И болью: жжение в легких, когда я делаю медленные, тяжелые вдохи, резкая боль в пальцах, где потрескались ногти. Боль - это хорошо. Я знаю боль, я могу использовать боль. Это значит, что я действительно еще существую.

— Мертва по прибытии[3], — говорит ровный, безжизненный голос. — Какая жалость.

Я нахожусь в другой больничной палате, но весь пол здесь состоит из рыхлой земли, а все, что попадается на глаза, изношено и грязно. Ослепительный свет медицинской лампы над головой, ореол света падает на глаза, почти как прожектор. Мои избитые руки сжимаются в кулаки, и я поднимаюсь на ноги, ища говорящего.

Никого нет, насколько я могу судить, но по кругу вокруг комнаты тянутся вверх ряды и ряды зрительских кресел, как в старом операционном театре[4], если бы он был рассчитан на сотни человек. Все освещение в комнате направлено на меня, и смотреть на них - все равно что пытаться разглядеть что-то через окно ночью.

— Да, какая жалость, — раздаются разные голоса, то ли не имеющие источника, то ли исходящие со всех возможных сторон.

— Какая потеря.

Теперь я поняла, что это не операционная, а родильная палата. Рядом с полулежащей центральной кроватью - мягкое кресло и небольшая люлька на колесиках, обвешанная аппаратурой с системой наблюдения. На каждой - фотография в рамке, перевязанная черной лентой. Я не присматриваюсь. Да и не нужно.

— Вся семья уже с ней. Один неверный шаг - и они умерли, все. Эти двое просто еще не знают об этом. Судьба может быть такой жестокой, не так ли? — первый говорящий резко смеется, и...

~~~

И сцена резко исчезает, возвращаясь к первой белой комнате. Правда, теперь она другая, более... ветхая. По столу проходит неровная трещина, белое местами заляпано серым, а простыня на кровати теперь не более чем тряпка. Пальцы, по крайней мере, целы, грязи не видно - как будто последней сцены и не было.
~~~

— Что это было? Зачем ты это сделала? Я все это знаю. И ты, очевидно, все это понимаешь. Какое отношение все это имеет к Обещанию? Суть ведь... — я остановилась. Я приняла решение, я должна была знать, чего хочу от этой сделки, но сейчас я не могу подобрать слов. Жить - да, но это вовсе не является итогом моей цели. Избавиться от груза, который я несла всю жизнь? Чтобы не быть той, которая его несла? Так вот к чему все сводится?

— Ты знаешь, почему. Что было. Твоя причина. То, что привело тебя сюда, — говорит двойник, впервые используя мой голос. Ее тон холоден и ровен. — Так мы начали. Прошлое никогда не остается в прошлом, и без него ничего этого не было бы. Тебе не нужно благодарить жизнь, которая привела тебя сюда, не нужно принимать ее, но ты должна ее помнить. Проклинай мир сколько угодно, когда поймешь это.

Ее глаза перемещаются по столу, и она протягивает руку, чтобы обвести колесо фортуны одним пальцем в перчатке.

— Расклад повествует об одной истории, а не о трех. Он еще не закончен. Продолжай, когда будешь готова.

— Это снова повторится?

Девушка гримасничает и опускает взгляд, разрывая зрительный контакт. В уголках ее глаз блестят слезы, но не падают.

— Как ты думаешь, почему мы здесь?

— Ну да. Наверное, это был глупый вопрос.

Комната по-прежнему запечатана, нигде не видно ни одного плотно закрытого дверного проема. Если бы я собирался проснуться, я бы уже сделал это. Значит, выход только один. Я потянулась за картами, но... моя рука остановилась на полпути к столу и задрожала. Что бы ни ждало меня в конце этого кошмара, мысль о том, чтобы снова погрузиться в него, заставляет меня ощущать, словно я сую руку в огонь, когда тянусь за очередной картой.

— Ты сделай это, — наконец говорю я, отодвигая колоду на ее сторону стола. — Я так обычно не делаю, но так ведь тоже можно, верно?

Она поднимает голову и смотрит прямо на меня, хотя ее глаза все еще слабо блестят.

— Тогда жди. Сиди в одиночестве и молись о переменах, которые никогда не наступят. Жди, пока мир не оставит тебя позади. Даже сейчас я сомневаюсь, есть ли у нас хоть какая-то надежда.

— А чего ты от меня ожидала? — Я огрызаюсь. — Что я отправлюсь на поиски приключений,

как будто моя жизнь - это какой-то дурацкий фильм про маленькую милую умирающую девочку? Конечно! Я всегда хотела побывать на Замерзающем Море, стоит ли мне отправиться туда? Я умру при первой же простуде, возможно, даже не успев покинуть город, но я смогу улыбнуться и сказать себе, что все было не так уж и бесполезно, потому что я хотя бы попыталась! Как ты думаешь, это что-нибудь дало бы? Думаешь, это поможет мне быстрее достичь Обещания?

Двойник медленно качает головой.

— Нет. Не совсем. Я - это ты. Что я могу сделать такого, чего не можешь ты? Чего я могу ожидать, чего не ожидаешь ты? Все, что я здесь делаю, это напоминаю тебе о путях вперед, которых не было еще день назад, их больше, чем большинство людей когда-либо видели. Но для того, чтобы это что-то значило, тебе нужно пройти по ним, — По мере того, как она говорит, фригидная резкость ее речи исчезает, превращаясь в нечто тихое и печальное. — Я могу закончить чтение. Здесь нет правил, которые не были бы установлены тобой. Но я не буду. Это всего лишь сон, и скоро останешься только ты, чтобы сделать эти шаги.

Осторожно она подталкивает колоду обратно ко мне.

Я не хочу доставлять ей удовольствие, но она права. Никто никогда не говорил, что Хранителям легко. Ни Церковь, ни сами Хранители, ни даже Вьюджи, смысл существования которой в том, чтобы продать мне это Обещание. Это сон, и даже если он действительно может меня мучить, он не сравнится с тем, что ожидает меня сейчас. От одной мысли об этом мне становится хуже, чем обычно, но когда этот кошмар закончится и я обрету свою магию, я все равно планирую как можно скорее отправиться на поиски этого Предвестника.

— Что ж, если я не могу этого отказаться...

Быстро, как будто я беру в руки что-то горячее, я вытягиваю следующую карту и кладу ее в центр стола. Девятка Мечей[5]. Так написано в рамке, но рисунок мне не знаком. На ней изображена я, прислоненная к стене, окруженная, но еще не пронзенная девятью огромными полыми иглами, словно бабочка, ожидающая, когда ее приколотят. Фон выполнен в том же ужасном буйстве грязно-кровавых цветов, что и вчера вечером, и, как и тогда, эти цвета вихрятся, словно живые.

Следующее изменение мира происходит прежде, чем я успеваю сказать или подумать что-либо определенное.

~~~

Я сижу прямо на жесткой скамье и чувствую себя так, будто меня только что разбудили. Протираю глаза и осматриваюсь: я нахожусь в чем-то похожем на больничную приемную, но... стены, пол, столы - все покрыто ранами, как будто все они сделаны из кожи, зияют и кровоточат. Толстые, пульсирующие вены пересекают окна, как разросшиеся лианы. В нескольких местах сквозь поверхность проступают выпуклые глазные яблоки, и все они
~~~

смотрят прямо на меня. В голове, словно через мегафон, звучат удары моего собственного сердца и стук крови.

Подо мной колышется что-то мокрое. В ужасе я скатываюсь со скамейки, спотыкаюсь о пол и бросаюсь на первое попавшееся незапятнанное белое пятно. По всей комнате рвутся или разрываются тонкие линии. Вены неуклонно растут вдоль стен, но не в мою сторону. Ничто не приближается ко мне и не преследует меня - кроме пристального взгляда глаз, возникает ощущение, что это место не предназначалось для меня, оно не обращало на меня внимания. Почему-то отвращение взяло верх над паникой. Я сворачиваюсь калачиком на маленьком островке, по-прежнему выложенном твердой плиткой, и задыхаюсь, глядя на то, как мир кружится и рвется.

Что это такое? Почему это? Прошлая сцена... была сделана из вещей, которые я знала, которые происходили, просто пропущенные через фильтр кошмарной логики. Эта штука, эта клетка из плоти, растущая вокруг меня, - просто ужасное бессмысленное зрелище. Я изучаю ее со своего крошечного насеста, смотрю так долго, как только могу выдержать, но... ничего. Никаких резких изменений не происходит. Комната так велика, и в конце концов я буду полностью поглощена ее разрастанием, и... похоже, единственное, что можно сделать с этим, это просто ждать и смотреть, ища в этом смысл.

Ждать и смотреть. Кошмарная мысль.

Девятка Мечей - это карта кошмаров, страха, травм. Не болезни или смерти, а отчаяния, которое они несут с собой. В моей любимой колоде ее изображение представляет собой жуткое месиво из костей и личинок, а также лишенных глазниц, из которых все еще торчат нервы. Все это нанизано на девять мечей, расположенных в аккуратный ряд, и, преодолев первоначальный шок, довольно легко понять, на что смотришь. Я считаю это предупреждением о том, что нельзя становиться пленником собственных мыслей, даже если страх, породивший их, совершенно оправдан.

В чем я заблуждаюсь? Что привело меня сюда, удерживает меня здесь?

Раньше я думала о жизни как о долгом, очень долгом пребывании в приемной. Я знала, что я очень больна, но есть вещи, которые они могут сделать, чтобы мне стало лучше. Я все еще думала так, когда меня в первый раз забрали из школы. Мне нужно было просто перетерпеть все это, и тогда мне станет лучше. Моя настоящая жизнь еще не началась, и для этого требовалось немного больше времени, чем для большинства людей, но это произойдет. Когда-нибудь.

Мне потребовалось больше времени, чем следовало бы, чтобы понять, что это безнадежно. Думаю, это произошло после того, как первая пересадка оказалась неудачной, когда мои немногочисленные друзья стали отдаляться, а время, проведенное в больнице, было посвящено лишь тому, чтобы не дать отторгнутому костному мозгу убить меня окончательно. Я не помнила момента, когда решила, что настоящая жизнь никогда не наступит, но это случилось. Я умирала, всем было все равно, когда это произойдет, и все, что я могла сделать, ничего не изменило. Оставалось только отрешиться от своей неудавшейся жизни, читать свои книги,

смотреть в окно на мир, частью которого я больше не являлся, и ждать.

И все это время смерть шла за мной. Это могла быть болезнь, лекарство, Предвестник, какая-то странная случайность, не имеющая ни к чему отношения, но она была у моего плеча всю мою жизнь. Недолго осталось.

И что бы я ни говорила, что бы я ни делала, чтобы справиться с той жизнью, в которой я застряла, я не хотела умирать. Я не хочу умирать никогда, если это возможно. Иначе почему еще я не забралась на ограждение на крыше и не сбросился с него?

— Хватит с меня. Я ухожу, — я больше не могу ждать. Хоть раз в жизни я не должна оставаться беспомощной.

Мир не слышит моих слов и не исчезает. Он вообще не меняется. Конечно, не меняется.

Длинными, осторожными шагами, преодолевая дыры и разрывы в полу, я пробираюсь к входным дверям. Они уже заросли лианами плоти, но не полностью закрыты. Нерешительно я надавливаю на одну из них, может быть, надеясь, что весь клубок растворится в дыму, как только я брошу ему вызов. Но он не растворяется. Он только пульсирует под моей рукой, горячий и влажный на ощупь. Я отступаю назад, слабо пытаясь потянуть его за собой, но он быстро ускользает из моей хватки и замирает на месте. Я не думаю, что смогу оторвать их, я точно не могу их разорвать, и я все еще не чувствую никакой магии на свой зов.

Значит, единственный выход - это пройти сквозь него. Еще раз оглядевшись, я замечаю в паутине дыру, которая кажется... не то чтобы чистым выходом, но достаточно большой щелью, чтобы человек моего роста мог протиснуться через нее с эмоциональным беспокойством. Я вздрагиваю от этой мысли, но делаю долгий, тяжелый вдох, задерживаю его и пролезаю внутрь, отчаянно надеясь, что лианы не сомкнутся вокруг меня и не затянут обратно. Это похоже на проталкивание по тропинке, перегороженной теплыми, липкими, тянущимися ветвями, и как бы отвратительно это ни звучало, но преграда не предпринимает никаких активных действий, чтобы удержать меня.

Наконец, я кувыркаюсь вниз головой через щель, едва взглянув на то, что ждет меня по ту сторону, и выкатываюсь на выветрившийся бело-серый пол первой комнаты, прямо возле стола. От клетки с плотью не осталось и следа. Для наблюдателя я, наверное, выпала из открытого пространства. Мой двойник по-прежнему сидит за центральным столом и бесстрастно наблюдает за происходящим.

Меня этот процесс не возмущает, но я начинаю понимать его смысл и форму моего еще не законченного чтения.

— Хорошо, — я снова сажусь на свое место. — Я не буду тратить время на вопросы о том, кто это придумал. Думаю, что это сделала я, и мне не нужно добавлять ненависть к себе в список своих проблем. Давай... давай просто закончим это, хорошо? По-прежнему, когда я буду готова?

Она моргает, выглядит почти удивленной, но кивает.

— Давай.

Я стискиваю зубы, закрываю глаза и вытягиваю последнюю карту. Что будет.

Безглазый труп быка, пронзенный лесом клинков. Десятка мечей[6] - прямое и естественное завершение событий последней карты. Неудача. Разрушение. Катастрофа. Разбитый вдребезги силой, совершенно не зависящей от тебя, и лишь тот факт, что хуже уже быть не может, успокаивает.

Ничего не меняется. Никакое новое видение не поглощает меня. На этот раз сон просто оставил меня наедине с моими мыслями. Эти мысли и так плохи.

— ...И это все? Вот к чему все идет? Вот почему мы прошли через все это? — Мой голос срывается. — Что я должна из этого извлечь? Даже Обещание не может предложить жизнь такой, как я? Это и есть послание? Неужели все это было просто последней шуткой надо мной, прежде чем я покончу с собой?

— Да, это так. День назад это был конец, к которому мы стремились, — двойник из сна сужает глаза и впервые улыбается - широкой, торжествующей улыбкой. — Однако ты кое-что забываешь. Это было тогда. Будущее, наше будущее, изменилось. Мы постоянно жульничаем на Таро. Повторяем не понравившееся нам гадание здесь или изгоняем карту...

Она кладет палец на стол, и в ее глазах вспыхивает ядовитый огонек. Карта начинает светиться тем же цветом, становясь все ярче, пока сквозь свет не становится ничего не видно. Медленно цвет исчезает, а когда исчезает, карточка становится совсем другой. Черно-белое изображение скелета ворона, череп обращен ко мне. Перевернутая смерть[7].

— Видишь? — она кивает, довольная.

— Это не испытание и не урок, не так ли? — шепчу я. — Не для нас. Это обещание.

Традиционно перевернутая Смерть означает застрять в прошлом или преследовать его, сопротивляться необходимым переменам, бороться с чем-то, чего нельзя было избежать или что нужно было принять, чтобы двигаться вперед. В другом контексте это можно было бы рассматривать как столь же ужасный конец этого чтения, как утверждение, что мне действительно следует прислушаться к мудрости мира и примириться со своей гибелью.

Смерть - это конец и начало, но сейчас я читаю ее как пробуждение после долгой-долгой зимы. Отказ от конца, а вместе с ним и возрождение.

— О, это все же своего рода урок, — говорит двойник. — Начни размышлять с позиции силы.

Если ты не можешь принять свою судьбу, то создай другую.

В ее лице есть что-то жуткое, когда она это говорит.

Сцена снова меняется. Теперь мы оба стоим на невидимой поверхности в бледно-серой пустоте, бесконечной и пустой.

— Но ты права. И с этим мы сделали здесь все, что могли, — продолжает она. — Пора двигаться дальше.

— Ты уверена? После всего этого... Я все еще не чувствую себя по-другому. Я знаю не больше, чем когда мы только начали. Чем я отличаюсь от других и что я могу сделать.

— Ты все узнаешь. Только есть еще одна вещь.

Она начинает терять четкость очертаний, как фигура на картине, нарисованной без контуров. В следующее мгновение она превращается в силуэт, в сплошную тень, испещренную венами и змеевидными спиралями тошнотворного зеленого сияния. Цвет отделяется от нее, вытекая наружу в виде ореола зловещего света, который плотно прижимается к краям тени.

Аура начинает собираться в формы, теперь уже вокруг, а не внутри нее, затем медленно темнеет и превращается в наряд, слишком изощренный и непрактичный, чтобы его можно было принять за что-то иное, кроме регалий Хранителя. Черное платье с юбкой-колокольчиком, украшенное по низу и рукавам оборками белого кружева. Высокие сапоги на плоском каблуке. Сверху - плотный плащ с капюшоном и темно-зеленым бантом на груди - единственный цвет в этом одеянии. Наконец, из мрака появляются теневые глаза, и она снова превращается в мое тело.

Я молча смотрю на нее, пока она не делает шаг вперед и крепко обнимает меня. Когда я застываю от этого прикосновения, она снова растворяется в тени и зеленом свете, на этот раз сливаясь со мной, а не принимая новую форму, и мир вокруг меня быстро исчезает.

— Думаю, мне остается только сказать... живи. Потому что ты никогда не просила многого, и ты заслуживаешь лучшего. Раз мир ничего тебе не дал, нет ничего плохого в том, чтобы взять от него то, что тебе нужно. Потому что ты это можешь.

~~~

...И я снова в своей комнате, там, откуда начала.

— С возвращением, Лиадэйн. У моих детей всегда есть некая... особенность, — говорит Вьюджи. Она не сдвинулась ни на дюйм. — Я рада, что ты продолжаешь эту традицию.
~~~

Примечание:

1. Шут – 0-й старший аркан в таро. Она обычно выпадает человеку, которому еще предстоит строить свою жизнь. Этот аркан олицетворяет невинность. Поэтому он, как правило, означает начало нового путешествия, которое сформирует характер и избавит от ограничений.

2. Колесо Фортуны – 10-й старший аркан в таро. Перевернутое Колесо Фортуны напоминает: бывают моменты, когда, как бы мы ни старались, мир не подчинится нашей воле. Возможно, жизнь внесла неожиданный поворот в ваши планы, и вы мало что можете сделать, кроме как напоминать себе, что это тоже пройдет.

3. Мёртв по прибытии – медицинский термин в США для пострадавших при различных инцидентах и умерших до прибытия медиков.

4. Операционный театр – хирургическая операционная со зрителями.

5. Мечи – одна из четырех мастей младших аркан в таро. Группа карт символизируют сферу знаний, сил и интеллекта гадающего. Девятка мечей – указывает на травму, о которой вы боитесь рассказать даже самым близким. Вы мучаетесь из-за переживаний и страха, это не дает вам спать по ночам. Вы также мыслите пессимистично и представляете только худшие варианты развития событий.

6. Десятка мечей – некоторые вещи, к сожалению, неизбежны. Тот, кому выпала Десятка Мечей, вероятно, неожиданно столкнется с предательством или потерей.

7. Смерть – 13-й старший аркан в таро. Карта может трактоваться как конец одного этапа жизни и начала нового. Перевернутая смерть – застой, невозможность двигаться или меняться.

http://tl.rulate.ru/book/88302/3463841